

Секция «Философия. Культурология. Религиоведение»

"Идеологическая триада" И. Валлерстайна

Филипенко Евгений Валерьевич

Студент

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Философский

факультет, Москва, Россия

E-mail: abkbgtyrj@gmail.com

Несмотря на то, что у И. Валлерстайна отсутствует отдельная работа, посвященная исследованию идеологии, изучение данного феномена является для него крайне важным. Воспринимая как данность, идеология является одним из ключевых понятий философско-политического анализа и ни одна работа не обходится без рассмотрения вопроса идеологии.

Для исследования подхода Валлерстайна к идеологии, предлагаем воспользоваться схемой, предложенной им самим. Схема сводится, по сути, к пяти вопросам:

1. Какая разница между идеологией и Weltanschauung (или мировоззрением)?
2. Кто является «субъектом» идеологии?
3. Какова связь идеологических учений с государством (государствами)?
4. Сколько на самом деле существовало различных идеологических течений?
5. Можно ли не обращать внимания на идеологию, иначе говоря, можно ли действовать без идеологии?» [2]

В качестве ответа на первый вопрос, можно воспользоваться определением Валлерстайна, который понимает под идеологией «всеобъемлющую долгосрочную политическую программу, направленную на мобилизацию большого числа людей. В этом смысле <...> до изменения геокультуры капиталистической мир-экономики, которое произошло в ходе Французской революции и последовавшей за ней наполеоновской эпохи, идеологические учения не были ни нужны, ни возможны». [2]. Аналогичная трактовка содержится и в недавно опубликованной четвертой части книги «Современная мир-система»: «Идеологии – это политические метастратегии, востребованные только в том в мире, где политические изменения считаются нормой, а не aberrацией». [7] При этом рождение «идеологической триады» Нового времени - консерватизма, либерализма и социализма - Валлерстайн относит к Великой французской революции: «До Французской революции <...> нормальным положением вещей считалась политическая стабильность. Суверенитет принадлежал правителю, а право правителя на правление определялось неким набором правил, связанных с получением власти, обычно по наследству. Политические перемены были явлениями исключительными, и оправдывались они в исключительном порядке; и это происходило вовсе не для того, чтобы создать прецедент для дальнейших перемен». [2] Такая позиция представляется спорной, поскольку, если принять ее в качестве исследовательского принципа, то придется сделать вывод о том, что у Петра I должна была быть идеология, но ее не могло быть, поскольку характер эпохи этому противоречил.

Различия идеологий заключаются в различии «типов отношения к современности и «нормализации изменений»: «насколько возможного ограничения опасности (*консерватизм* – прим. Е.Ф.); достижения счастья человечества наиболее разумным образом (*либерализм*); или ускорения развития прогресса за счет жестокой борьбы (*социа-*

лизм)» [2, 4]. Впоследствии, как считает Валлерстайн, произошло осознание неизбежности и необходимости изменений, а уже во второй половине XIX в. эти идеологии стали между собой едва различимыми: «консерваторы стали либерал-консерваторами, а социалисты – либерал-социалистами» [2, 8]. Либералы противопоставляли себя социалистам и консерваторам как противникам индивидуализма, консерваторы – либералам и социалистам, манипулирующим обществом с помощью государства во имя достижения прогресса, а социалисты считали консерваторов и либералов ревнителями сложившихся устоев, особенно в вопросе привилегий господствующих классов. Таким образом, «тройка» идеологий трансформировалась в бинарное отношение, первый член которого – одна из идеологий, второй – связка двух других [6]. Такой взгляд, с одной стороны, отражает политическую расстановку партий и движений, но, с другой стороны, при более детальном анализе обнаруживает свою методологическую ограниченность. К примеру, уже сам факт употребления термина «либеральный» в качестве предиката (т.е. определения для консерватизма и социализма) говорит о внутреннем противоречии. К тому же Валлерстайн не учитывает специфику соотношения капитализма и европейской цивилизации, не видит различий между мировой цивилизацией и западно-европейской, не рассматривает отношение каждой из трех идеологий к капитализму. Игнорирование характера способа производства (форм собственности и классовых отношений) позволяет Валлерстайну делать довольно неожиданные обобщения. Так, по его мнению, «ленинизм, великий оппонент либерал-социализма на национальном уровне, стал подозрительно напоминать либерал-социализм на уровне всемирном» [1, 5], т.е. социализм в ленинской версии является «полупериферийным» вариантом либерализма на мировом уровне.

Сходство идеологий, по мнению Валлерстайна, проявляется в декларировании принципа самоопределения наций и признании идеи национальной независимости, а также в том, что ставка делается в экономическом развитии на индустриализацию с целью сокращения разрыва со странами «ядра» и в позитивистском мировоззрении, высоком авторитете науки [2]. При этом Валлерстайн упускает такой важный фактор, как четкую антикапиталистическую направленность воззрений Ленина, который видел в праве на национальную независимость лишь инструмент классовой борьбы. По сути, в процессе становления Советского государства проявилась установка, которую в терминах Валлерстайна можно охарактеризовать как попытку создания «мир-империи» в качестве мир-системы, альтернативной «мир-экономике».

Следует отметить, что обнаруженные Валлерстайном сходства обладают крайне низкой ценностью в сравнительном анализе идеологий. Так, например, национальное развитие в условиях национальной независимости – стремление практически любого государства в XX в., а стремление решать экономические задачи наиболее эффективным образом, в том числе на мировом уровне, никак не характеризует идеологию. Нацистская Германия и фашистская Италия также стремились к национальному развитию и следовали курсом индустриализации. Понимаемый таким образом либерализм становится универсальным, а потому бессмысленным термином.

Столь широкая, но в то же время крайне политизированная трактовка идеологии может привести к абсолютно другим выводам при определении господствующей идеологии конца XIX – первой четверти XX в. Если взять за основу факт убежденности многих европейцев в том, что смена социального строя влечет изменение жизни, то мы

имеем все основания утверждать, что господствующей идеологией был социализм. [3]

Многие противоречия, характерные для позиции Валлерстайна, объясняются, судя по всему, схематизмом базовых установок. Идеология не может игнорировать отношения между индивидами, социальными группами и государством и всегда тем или иным образом соотносится с наукой и религией.

Литература

1. Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. – СПб.: Университетская книга, 2001.
2. Валлерстайн И. После либерализма. М.: Едиториал УРСС, 2003
3. Шпенглер О. Пруссачество и социализм. М.: Праксис, 2002
4. Wallerstein I. French Revolution as a World-Historical Event // Social Research. – L. – Vol. 56, No. 1
5. Wallerstein I. Marx, Marxism-Leninism, and Socialist Experiences in the Modern World-System. - Binghamton (N.Y.): Fernand Braudel Center, 1989
6. Wallerstein I. The future of the World-Economy // Wallerstein I. The Politics of the World-Economy: the States, the Movements, and the Civilizations. – Cambridge University Press, 1984. – VIII, 191
7. Wallerstein I. The Modern World-System IV: Centrist Liberalism Triumphant, 1789-1914. Berkeley: University of California Press, 2011
8. Wallerstein I. Who Excludes Whom? Or Dilemmas of Antisystemic Movements. – Binghamton (N.Y.): Fernand Braudel Center, 1991